

U-283

M-23

ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ

Մանուկյան Մարինե Ջոնիկի

ԱՆՎԱՆԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԳԻՐՆԵՐՆ
ԱՐԱՐԱԿԱՆ ԱՎԱՆԴԱԿԱՆ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

Ժ.02.06 – «Ասիայի հին և նոր լեզուներ» մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի
հայցման ատենախոսության

ՄԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ 2007

Институт языка им. Р. Ачаряна НАН РА

Манукян Марине Джониковна

«ПРОБЛЕМЫ ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ АРАБСКОМ
ЯЗЫКОЗНАНИИ»

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.06 – “Древние и
новые языки Азии”

ЕРЕВАН 2007

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում:

Գիտական ղեկավար՝ քանասիրական գիտությունների թեկնածու,
դոցենտ

Ս. Բ. Կարաբեկյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ քանասիրական գիտությունների դոկտոր
Ս. Ն. Արաջյան
քանասիրական գիտությունների թեկնածու
Լ. Կ. Ղազարյան

Առաջատար կազմակերպություն՝ Ռուս-հայկական (պլավոնական) պետա-
կան համալսարան

Պաշտպանությունը կայանալու է 2007 թ. հոկտեմբերի 26-ին ժամը 14-ին ՀՀ
ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտում գործող ԲՈՀ-ի 019
մասնագիտական խորհրդի նիստում (հասցեն՝ Երևան 0025, Ալեք Մանուկյան 1,
ԵՊՀ, Արևելագիտության ֆակուլտետ) :

Ատենախոսությանը հնարավոր է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան
լեզվի ինստիտուտի գրադարանում:

Մեղմագիրն առաքված է 2007 թ. սեպտեմբերի 25-ին:

Մասնագիտական խորհրդի քանասիրական գիտությունների
գիտական քարտուղար թեկնածու
Ս. Բ. Կարաբեկյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском Государственном Университете.

Научный руководитель - кандидат филологических наук, доцент
С. Б. Карабекян

Официальные оппоненты - доктор филологических наук
А. Г. Абаджян
- кандидат филологических наук
Л. В. Казарян

Ведущая организация - Российско-Армянский (Славянский)
Государственный Университет

Защита состоится 26 октября 2007 года в 14:00 на заседании специализированного
совета 019 Института языка НАН РА (по адресу : ул. Алека Манукиана 1, Факультет
востоковедения ЕГУ).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языка им. Р.
Ачаряна НАН РА.

Автореферат разослан 25 сентября 2007 г.

Ученый секретарь - кандидат филологических наук
специализированного совета
Н. М. Симонян

Общая характеристика работы

Смысл речи (речевого общения) заключается в передаче информации, а предложение тот минимальный сегмент речи, который содержит относительно законченную смысловую информацию, соотношенную с определенным референтом, тем самым, реализуя коммуникативную функцию языка. Любое из предложений текста, являясь конечным продуктом речевой деятельности и исходной точкой ее анализа, есть сложное многоаспектное образование, которое можно исследовать с разных позиций и в разных ракурсах. Только благодаря исследованию речи, а, следовательно, и предложения, может быть выявлен ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных синтаксических и морфологических особенностей языка. Данная работа является попыткой всестороннего изучения и анализа аналогового эквивалента понятия «предложение» в арабской лингвистической традиции (АЛТ). Особенный акцент ставится на выявление особенностей именных предложений в плане их оппозиционного противопоставления глагольным. Отдельное внимание уделяется так называемым «сокрытым именам» *ism mudmar* (аналог личных местоимений в АЛТ), имеющим решающее значение при образовании предикативных конструкций и трансформации одного вида в другой.

Цель работы

Целью работы является анализ именных (ИПК) и глагольных (ГПК) предикативных конструкций в плане их функционально-содержательного потенциала, затрагивая не только поверхностный уровень линейной организации предложения, но и целый ряд глубинных системных механизмов, уравнивая принадлежность которых выходит далеко за пределы синтаксиса, как он понимается в рамках уровневой концепции современного языкознания. Это в первую очередь связано с содержательным строением той единицы, которая в формальном отношении ставится в основу всех преобразований морфологического, словообразовательного и синтаксического планов теоретической концепции АЛТ – первичной глагольной основы, границы которой охватывают явления как морфологического, так и, в известном смысле, синтаксического планов. А также, целью работы является выявление в ходе обсуждения предлагаемых решений основных методологических трудностей, связанных с поставленной в диссертации проблемой.

Актуальность работы

Каждая первичная основа, по сути, является предикативной конструкцией глагольного плана, являясь при этом минимальной в лексико-семантическом плане. Именно здесь возникает основная трудность, связанная с различием этих двух планов описания – словообразовательного и синтаксического, поскольку любое преобразование этой двуплановой (лексико-семантической и синтаксической) единицы в одном отношении, неизбежно влечет за собой изменение ее формально-содержательной структуры и в другом. Таким образом, процессы словообразовательного и синтаксического планов неизбежно налагаются друг на друга, что создает определенные теоретические сложности для непротиворечивого описания в том или ином аспекте ее содержания. Именно поэтому задача выявления теоретических основ различения ИПК и ГПК представляет собой актуальную проблему, обсуждаемую в современной арабистике.

Научная новизна работы

Представляемая работа является первым в своем роде исследованием, пытающимся выявить:

1. Морфо - синтаксические особенности глагольных и именных предикативных конструкций и их структурообразующих компонентов в ходе трансформации первичной глагольной основы.
2. Характерные особенности единиц класса *faṭīḡ*, выявляемые в процессе образования и трансформации именных и глагольных предикативных конструкций.
3. Сущность препозиционных формантов, примыкающих к глагольной основе, известных в традиционной арабской лингвистической традиции как *az-zawā'id al-'arba'a*, и тесно связанную с ними проблему так называемого «подобного [имени деятеля] глагола» в системе трансформационных преобразований именных и глагольных предикативных конструкций.

Методология работы

Представленный в работе материал охватывает почти все этапы развития предмета исследования на всем протяжении становления и развития арабской лингвистической традиции, анализируясь с точки зрения сравнительно-исторического языкознания на основе описательной морфологии и синтаксиса.

Временные рамки исследования

Временные рамки исследования охватывают довольно продолжительный период, освещающий историю развития понятия *ḡumla* «предложение» на всем протяжении становления и развития арабской лингвистической традиции, начиная с первых работ арабских грамматистов по лингвистике (VIII в.), кончая современными научно-исследовательскими работами западных и арабских ученых.

Литература

Использованный в ходе исследования научный материал представляется в качестве трех взаимообусловленных и взаимодополняющих групп. Первая из них в качестве первоисточников охватывает грамматические трактаты выдающихся средневековых арабских грамматистов, на материале которых прослеживается история развития исследуемых положений диссертации на всем протяжении становления и развития арабской лингвистической традиции в сопоставлении с научными трудами современных арабских лингвистов. Вторую группу составляют научные работы современных арабистов, тематика которых переплетается с предметом научного исследования диссертации. Что касается третьей группы, то ее составляют работы по общей лингвистике и языкознанию, обеспечивающие теоретическую базу исследования.

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и предлагаемого нами в качестве приложения толкового словаря арабских лингвистических терминов, встречающихся в тексте исследования.

Введение

Будучи опосредованным мышлением, т.е. высшей формой активного отражения объективной реальности, осуществляющей целенаправленное, опосредствованное и обобщенное познание существенных связей и отношений предметов и явлений, язык является общественно значимой формой отражения или *номинации* окружающей человека действительности, формой хранения знаний - когнитивных образований, выступающих как результат переработки информации человеком в его взаимодействии с миром, а также средством обеспечения потребностей мыслительного процесса – получения и передачи нового знания, что в свою очередь является важнейшим аспектом

коммуникативной деятельности человека, обусловленной потенциальной коммуницируемостью когнитивного опыта.

Существуя как средство общения людей и обмена мыслями между ними, язык всегда облакает эти мысли в определенную форму – материальную языковую оболочку, используя при этом целый арсенал взаимодополняющих морфологических (слова, словоформы) и синтаксических (сочетания слов) языковых единиц, поскольку взаимодействие между морфологическими и синтаксическими явлениями строя языка наблюдается в системе языка в каждый момент его существования.

Доступная нам языковая действительность (речь) – движущий и направляющий элемент совершающегося процесса, посредством которого язык обретает постоянный контакт со своим собственным источником, представляется в виде одновременного осуществления двух языковых действий – номинации и предикации.

Номинация представляется в качестве названия и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словоформ, сочетаний слов и предложений исходя из трехчленного отношения («семантического треугольника») «реалия-понятие-имя».

Номинативные единицы, образующиеся в процессе взаимодействия мышления, языка и действительности, могут быть образованы единицами морфологического класса – словами и словоформами, а также единицами, имеющими синтаксическое строение – словосочетаниями и предложениями.

Предикация является ключевым конституирующим признаком предложения, относящим информацию к действительности и тем самым формирующим единицу, предназначенную для сообщения. Она не что иное, как описательное познание мира, которое на своем глубинном уровне совпадает с логическим суждением и, соответственно, с мыслью. Основным способом формирования предикативных единиц является грамматически оформленное соположение двух самостоятельных номинативных единиц. Однако аналогично номинативным, единицы предикативного плана могут быть оформлены не имеющими статуса самостоятельных морфологическими единицами, что присуще довольно ограниченному количеству языков. Данный способ формирования предикативных структур является одним из важнейших в арабском языке и обусловлен неоднородностью морфологических явлений, имеющих отношение к содержанию двух смежных уровней языковой системы.

Особенности когнитивного опыта, специфичность форм отражения действительности в миропонимании конкретного народа во многом определяют выбор языковых единиц, используемых для осуществления номинативной и предикативной деятельности. К последней из них, в конечном счете, сводится

сущность одного из наиболее важных элементов грамматического строя языка – предложения – грамматически оформленной по законам данного языка целостной единицы речи, являющейся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли, в которой наряду с передачей информации об объективной действительности, содержится также субъективное отношение к ней говорящего.

ГЛАВА I

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОДНОНАПРАВЛЕННАЯ РЕЧЕВАЯ ЦЕПЬ УПРАВЛЯЮЩИХ И УПРАВЛЯЕМЫХ ЕДИНИЦ

Арабская лингвистическая традиция, как составная часть комплекса средневековых арабских наук (*al-‘ulūm al-‘arabiyya*) с самого своего зарождения разработала собственный оригинальный понятийный аппарат, содержание которого не всегда совпадает с объемом близких в системном отношении понятий теоретической лингвистики, основные положения которой формировались на материале длительной традиции изучения языков индоевропейского строя и отражали их структурные особенности. Это, как правило, ставит исследователя перед необходимостью адаптации традиционного терминологического инвентаря к теоретическим понятиям общего языкознания, что в силу указанных причин зачастую оказывается отнюдь не простой задачей. Одной из таких задач является попытка определения в истории арабской грамматической мысли аналога основного понятия синтаксиса – предложения, характеристика компонентов, составляющих его структуру и выявление типов связи между ними.

Строгого соответствия понятию *предложение* в АЛТ не имеется – в качестве его эквивалента, как правило, принято трактовать понятие *ḡumla* (комплекс, ансамбль), несмотря на то, что в грамматических трактатах раннего периода этот термин практически не употребляется, отождествляясь с понятием *kalām* (речь, высказывание), который определяет понятие предложения в узком смысле этого термина, он более специфичен *‘aḥaṣṣ*, так как называет лишь независимые предложения, между тем как термин *ḡumla* более универсален *‘a‘am*, так как с одной стороны отождествляется с понятием *kalām* в качестве самостоятельно функционирующей предикативной конструкции, а с другой – оценивается в качестве синтаксической единицы, эквивалентной единичному имени *ism mufrad*, занимающему различные синтаксические позиции предложения.

ḡumla является минимальной базовой моделью речи, в которой можно наблюдать синтаксическую функцию управления *‘amal*. В каждой конкретной синтаксической последовательности соседствующие друг с другом единицы совокупности *ḡumla* выполняют противоположные функции воздействующего (*al-mu‘attir*) или фактора (*al-‘amil*) и управляемой единицы (*al-ma‘mūl*),

принимающей воздействие фактора (al-mu'attar), так как именно предшествующее звено речевой цепи соответствующим образом 'alā waḡhīn maḡṣūṣ [(1)словесной формой lafẓan, (2)предположительно taqdīran, (3) реализуемой им синтаксической позицией maḡhallan] определяет флексию al-ī'ḡāb-выбор словоизменительной формы последующего звена 'auḡaba kauna ākiri-l-kalimati min al-ī'ḡāb, образуя с ним синтаксическую пару управляющего и управляемого компонентов.

Само понятие управления al-'amal тесно взаимосвязано с положениями греческой философии о причинно-следственной связи al-'illa причина al-ma'lūl следствие, заимствованной арабскими грамматистами из богословия и философии.

АЛТ неоднозначно оценивает «сущность причины al-'illa или фактора al-'amil», обуславливающих флексию 'ī'ḡāb, отводя эту роль:

1) Самому языку, а точнее минимальным сегментам речи словам al-kalima, выделяя так называемый языковой фактор 'amil luḡawīyyu.

2) Говорящему al-mutakallim, так как все структурообразующие компоненты речи являются орудиями мысли человека. На этом основании выделяется так называемый абстрактный или философский фактор 'amil ma'nawīyyu 'au falsafīyyu, являющийся ни чем иным, как конкретной идеей, зарождающейся в сознании говорящего al-mutakallim.

3) Богу al-lah, на основании того, что первопричиной и творцом всего сущего, в том числе и человеческого языка является Аллах, сотворивший его в совершенстве, в соответствие с чем выделяется божественный фактор 'amil tauqīfīyyu, который однако так и не получил широкого распространения в АЛТ.

В качестве основных управляющих факторов АЛТ выделяет лексически выраженные 'awāmil lafẓīyya и не имеющие лексического выражения абстрактные факторы 'awāmil ma'nawīyya.

Среди лексически выраженных факторов 'awāmil lafẓīyya в частеречной иерархии наиболее сильными в плане реализации функции управления предстают глагольные лексические единицы, противопоставляемые в АЛТ в качестве «тяжелых» так называемым «легким» именным единицам. При противопоставлении «легкости xiffa» именных лексических единиц и «тяжести tīqf» глагольных, на самом деле происходит противопоставление единичного именного слова двусоставной глагольной предикативной конструкции, в составе которой собственно глагольный сегмент предстает в качестве центрального управляющего узла, определяющего дальнейшее развертывание речи, в результате которого в ней формируются новые синтаксические позиции, реализуемые «легкими» именными лексическими единицами в словоизменительных формах marfū' и maṣṣūb. Иначе говоря, именно глагольная единица, которой изначально присуща функция управления al-'amal 'aṣl fi-l-

'afāl, определяет словоизменение именных единиц в составе глагольных предикативных конструкций и предстает в качестве главного из лексически выраженных управляющих факторов 'awāmil lafẓīyya, так как именно она в большинстве случаев выражает значение предикативности, которая, являясь основным узлом предложения, связывает все его члены и определяет их функции.

Реализация функции управления для единиц класса ism является вторичной. Выполняя вторичную для них функцию управления, в качестве управляющих факторов предстают как первообразные имена ism ḡāmid, так и отглагольные именны дериваты ism muṣtaqq.

Среди лексически выраженных управляющих факторов отдельное место занимают частицы, однако возможность реализации функции управления присуща лишь тем из них, которые в традиции описываются термином mu'mal.

Представители басрийской грамматической школы в качестве абстрактных факторов 'awāmil ma'nawīyya выделяют фактор ibtidā', обуславливающий постановку muḡtabadā' в словоизменительную форму raf' и фактор, обуславливающий постановку подобного глагола al-fi'l al-muḡāri' в словоизменительную форму raf': wuqū'uhu mawqī'a-l-ism занятие подобным глаголом синтаксической позиции, присущей лексическим единицам класса имя.

Представители куфийской грамматической школы выделяют 5 абстрактных факторов: 1) 'isnād (предикация), 2) ma'nā-l-fā'iliyya (соучастие деятеля в процессе действия), 3) ma'nā-l-maḡūliyya (подверженность субстанции воздействию), 4) at-taḡarrud 'an an-nāṣīb wa-l-ḡāzim (отсутствие факторов, обуславливающих постановку подобного глагола в словоизменительных формах naṣb и ḡazm), 5) al-xilāf (противопоставление - фактор лежащий в основе противопоставления огласовок ḡamma и faḡḡa, посредством которых оформляются единицы, реализующие синтаксические позиции главных 'umda и второстепенных faḡḡa членов предложения).

ГЛАВА II ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧЕНИЯ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ В АЛТ

В отличие от индоевропейской лингвистической традиции, подразделяющей предложения (предикативные конструкции) на глагольные и именны на основе выражения сказуемого (предиката) единицей, принадлежащей к глагольному или именному лексико-грамматическому разряду, АЛТ ставит в основу различения этих двух типов не наличие или отсутствие глагольных форм при репрезентации сказуемого, а реализацию

препозиционного компонента конструкции глагольной или именной лексической единицей.

В формальном плане ИПК представляется в качестве предикативной конструкции, начальная позиция которой репрезентирована единицей именного класса *ism*, в отличие от ГПК, где в препозиции находится глагол *fi'l*, точнее тот сегмент глагольного слова, который связан с выражением значений времени и действия (состояния), и не связан с выражением значений лица, числа и рода. Предикативное ядро каждого типа конструкций имеет бинарную структуру, т.е. включает грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, первое из них может быть представлено только именным словом, в то время как второе - как именным, так и глагольным.

Для обозначения структурообразующих компонентов именных и глагольных предикативных конструкций АЛТ оперирует двумя типами терминологических пар, одни из которых передают универсальное значение субъекта и предиката конструкций «*musnad - musnad 'ilayhi*», «*muḥaddaṭ bihi - muḥaddaṭ 'anhū*», «*muxbar bihi - muxbar 'anhū*», другие же обслуживают конкретный тип предикативных конструкций «*mubtada' xabar*» (ИПК) и «*fi'l-fā'il*» (ГПК).

Ядерными ('*aṣl*) в подсистеме ИПК считаются конструкции, где обе позиции *al-musnad* и *al-musnad 'ilayhi* репрезентированы лексическими единицами класса *ism*, противопоставляемыми по значению определенности - неопределенности. В подсистеме ГПК в качестве исходных предстают конструкции из сплетенных воедино функциональных позиций действия *fi'l* и деятеля *fā'il*, реализуемых соответственно единицами класса *fi'l* и *ism*.

В отличие от именных единиц, характеризующихся самодостаточностью в плане формирования предикативных конструкций, глагольные таковыми не считаются. Несамодостаточность последних в плане построения предикативных конструкций объясняется с одной стороны восприятием их в качестве элементов, которым присуще значение неопределенности, а с другой - невозможностью совершения действия самого по себе без конкретного субъекта.

Неразрывность связи между действием и субстанцией побудила арабских грамматистов утверждать о наличии в составе глагольной основы *завуалированного* или *подразумеваемого* местоимения *ḡanīr mustatīr* с обобщенным безлично-абстрактным значением *он* [некто] для реализации функции субъекта действия. Именно поэтому с возникновением понятия *fi'l* автоматически формируется понятие *ḡumla*.

В семантическом плане можно выделить два основных класса глаголов - глаголы *действия*, описываемые в АЛТ как *ḥudūt* (событие) и глаголы *состояния* *waṣf* (описание).

При *адъективной* трансляции глаголы *состояния* *waṣf* транслируются в так называемые *глаголоподобные прилагательные* *aṣ-ṣifa al-muṣabbaha bi-l-fi'l*, в основном утрачивающие свои исконно глагольные свойства управления, между тем глаголам действия присуще транслирование в *причастия*, соединяющие в себе как *адъективные* (реализация в качестве управляемого элемента), так и *глагольные* свойства (реализация в качестве управляющего элемента).

Трансляция глагольной основы в лексико-семантическом плане, неизбежно влечет за собой трансформацию его предикативной формально - содержательной структуры, при которой имплицитно выраженное личное местоимение, репрезентирующее структурный компонент *fā'il* *субъект действия* трансформируется в эксплицитную форму *huwa*. В результате глагольная предикативная конструкция *kabura (ø)* *он вырос* (завершение приобретения признака) трансформируется в конструкцию именного типа *huwa kabīr* *он большой* (ношение признака).

В связи с последним обстоятельством напрашивается вывод, что возникшие в результате *адъективной* трансляции лексические единицы, также как и глаголы, являющиеся исходным компонентом данной трансляции, при оформлении предикативных отношений не самодостаточны, так как относятся к референтно- несамостоятельным языковым единицам, не способным самостоятельно, без помощи других слов, осуществлять для слушающего идентификацию между ними самими и соответствующими им внеязыковыми свойствами, т.е. обозначать конкретных носителей определенных свойств (субстанции), так как подобно глаголам, в основном репрезентируют переменные свойства субстанции, при этом разница между глаголом и прилагательным в этом случае зависит от временно 'й стабильности того или иного свойства.

В связи с частичным изменением референциальных свойств глагольных лексем, приобретающих возможность обозначения конкретных носителей определенных свойств (субстанции), следует обратить должное внимание классу *адъективно* транслированных *причастий* действительного *ism al-fā'il* и страдательного залогов *ism al-maf'ūl*, которые в случае препозиционной дистрибуции и при наличии маркера определенности (определенный артикль *al*) репрезентируют подлежащее ИПК: *al-kātibu* (причастие действительного залога) *musāfirun* (причастие действительного залога) *Автор* (в буквальном переводе *пишущий*) *уезжает* (в буквальном переводе *уезжающий*) или *al-maktūbu* (причастие страдательного залога) *mursalun* (причастие страдательного залога) *Письмо* (в буквальном переводе *написанное*) *отправлено*. Как видно из приведенных примеров, где оба конституента предикативной конструкции репрезентированы *адъективно* транслированными единицами, *причастия* действительного и страдательного залогов выказывают пограничные свойства единиц глагольного и именного классов: реализуя препозиционный компонент

mubtada' идентифицируют субстанцию *al-kāūbu* автор и *al-maktūbu* письмо, а при реализации постпозиционного компонента *xabar* – относят к субстанции ее процессуальный признак, тем самым констатируя факт, что значение процессуального признака может быть выражено не только глаголом, но и адъективно транслированными причастиями.

Реализуя позицию *xabar* именного предложения, причастия действительного *ism al-fā'il* и страдательного залогов *ism al-maf'ūl*, сохраняют особенности управления, присущие глаголу, расширяя предикативное ядро ИПК, и тем самым оцениваются в качестве периферийных для класса *al-ism*, так как в свою очередь глаголы действия предстают в качестве основных, ядерных (немаркированных) для единиц класса *fīl*. Между тем, глаголоподобные определения почти полностью утрачивая функции, присущие глагольным единицам, возводятся в ранг основных для класса *al-ism*, так как в свою очередь глаголы состояния оцениваются в качестве периферийных (маркированных) для единиц класса *fīl*. Вследствие этого, переход ГПК в ИПК в результате трансляции глаголов состояния в глаголоподобные определения по модели *fā'ūla* ⇒ *huwa fā'il* является ядерной, основной (немаркированной, прототипической) по сравнению с трансляцией глаголов действия в причастия действительного и страдательного залогов по моделям *fā'ala* ⇒ *huwa fā'il* и *fā'ala* ⇒ *huwa maf'ūl*.

ГЛАВА III

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИМЕННЫЕ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ 'IDMĀR «СОКРЫТИЯ» ЕДИНИЦ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ

Выражение в речи единицы смысла посредством специальной формы, с которой она образует единство - *kalim* есть ситуация речи, обозначаемая термином *'izhār*.

Понятие *'izhār* рассматривается в АЛТ в оппозиции понятию *idmār*, описывающему супрессивный метод передачи информации, когда какая-либо единица смысла передается не через предназначенную для нее единицу формы.

Скрытие *idmār* той или иной лексической единицы допустимо лишь в том случае, когда слушающий может восстановить его значение из контекста в соответствующем месте речевой цепи. Проводя параллель между понятием *idmār* в АЛТ и понятием эллипсис в европейском языкознании, можно дать определение первого понятия через второе как *опущение элемента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста или ситуации*.

Каждая «эллиптированная» единица плана выражения также считается одним из составляющих звеньев речевой цепи, лишь с той разницей, что одни

«сокрытые» лексемы являются управляющими звеньями этой цепи, другие же предстают в качестве управляемых.

В случае «сокрытия» управляющей единицы в предложении всегда может быть найден формальный след, указывающий на него во флективном окончании управляемого им компонента. Так как «сокрытие» управляемой единицы никак не отражается на форме управляющего компонента необходим специальный формальный знак *'alāma*, указывающий на факт «сокрытия» определенного управляемого звена речевой цепи, каковым является *ism muḏmar* сокрытое имя или *famīr* сокрытая мысль, принимаемый в арабистике как терминологический эквивалент «личного местоимения».

Среди обязательных условий «сокрытых имен» контекстуальное или ситуативное восстановление лексического значения замещаемой ими единицы, так как в отличие от имен собственных, реализующих индивидуализирующую функцию в качестве кодовых обозначений единичных референтов, личные местоимения могут служить средством индивидуализации, опираясь лишь на дополнительную информацию, полученную из текста или коммуникативной ситуации. В плане номинации ситуативно разъясняется местоимение 1-го (*al-mutakallim* говорящий) или 2-го (*al-muḫāṭab* собеседник или тот, к кому обращается [говорящий]) лица. Когда говорящий называет себя через «я», передаваемая «я» информация бывает понятна всем, между тем, как упоминание конкретного имени говорящего для многих слушающих могло бы ничего не значить. Независимо от того, кому или чему адресована информация, передаваемая «я», «я» всегда может назвать этого реального или воображаемого собеседника «ты», для этого ему не обязательно практически знать «ты»-человека, животное или абстракцию. «Я» и «Ты» - независимые субституты, не требующие никакого предварительного произнесения замещаемой формы, они всегда говорят о себе «я», этим обозначая двух противоположных равноправных действующих лиц речи, между тем, как референт 3-го лица (*al-ḡā'ib* отсутствующее лицо) не называет сам по себе *ничего* и *никого* и определяется лишь ситуацией или контекстом. Для того чтобы личное местоимение 3-го лица могло выполнять функцию единичного обозначения, необходимо наличие «общего фонда знаний» собеседников или индивидуализирующего контекста, каковым является не изолированное имя, к которому непосредственно относится местоимение, а имя в составе предикативной конструкции, выраженное, однако, вне сферы «я - ты».

Так как посредством личных местоимений, передающих словообразовательное значение *raḡ'* номинативные элементы соотносятся с тем или иным действующим лицом данного речевого акта, в предикативных конструкциях они функционируют в качестве так называемых слов-подлежащих, исходно реализуя синтаксическую позицию подлежащего, тем самым,

представляясь в качестве своеобразных эквивалентов номинативных единиц, оформленных определенным артиклем, также реализующих синтаксическую позицию подлежащего. Не случайно, что в АЛТ личные местоимения рассматриваются наряду с именами собственными *ism 'alam*, указательными местоимениями *ism mubham*, именем, сопровождаемым определенным артиклем *mā 'urifa bi 'al* и именем, соположенным с одним из перечисленных элементов *mā 'uḏifa 'ilā 'aḥadi ḥadihi-l-ma'arif* в качестве единиц, обладающих значением определенности *ma'rifa*. Более того, оцениваются в качестве носителей наиболее высокого коэффициента значения определенности *'a'afu-l-ma'arif al-ism al-muḏmar*, так как сокрывают уже известную [определенную] единицу *lā yuḏmar 'ilā wa-qad 'urifa* и поэтому не нуждаются в дополнительном описании как другие единицы, обладающие значением определенности *lā yaftaqir 'ilā 'an yuṣaf ka-ḡayrihi min al-ma'arif*.

Сфера так называемого отсутствующего *al-ḡā'ib* 3-го лица по типу указания значительно более разнообразна, чем сфера 1-го и 2-го лиц в силу отсутствия собственно «личного» элемента рассматриваемых понятий. Она характеризуется как форма с наименее низким коэффициентом определенности, в некоторых случаях оцениваясь в качестве единицы, имеющей значение неопределенности.

Форма 3-его лица может принимать любой субъект или не иметь никакого, являясь лишь аппозитивным уточнением, признаваемым необходимым для понимания сообщаемого. Именно по этой причине форма единственного числа 3-его лица арабского глагола в действительности является универсальной формой выражения глагольной предикативной связи с множеством субъектов любой мощности, классификация которых в АЛТ проводится на основании их количественной характеристики. Сочетательные способности так называемого отсутствующего 3-го лица арабского глагола можно представить следующими моделями:

1. Verb + Agent₁
2. Verb + Agent₁ + Agent₂
3. Verb + Agent₁ + Agent₂ + ...Agent_n

Относимая арабскими грамматистами к классу личных местоимений лексическая единица *huwa* предстает в значении *ḥadā* «это», единицы, относимой в АЛТ к классу так называемых указательных имен *'asmā' 'išāra*, описываемых в качестве абстрактных или неопределенных [в содержательном плане] имен *'asmā' mubhama*. Если принять за исходное, что в предложениях с действующим 3-им лицом личное местоимение *huwa* в семантико-функциональном плане предстает в виде указательного местоимения, то процесс идентификации сокрытого имени можно представить следующим образом:

<i>iqmār = 'istitār ⇔</i>	<i>'išāra = 'ibhām ⇔</i>	<i>izhār</i>
Предположение о наличии сокрытого субъекта действия х.	Указание на наличие выделенного, но еще до конца неидентифицированного субъекта действия х.	Выявление посредством номинализации уже идентифицированного субъекта действия.

Общность между единицами этих двух классов подтверждается наличием в их структурном составе компонента *hā' (hā' at-tanbih)* – указательной частицы «вот», общей для всех западно-семитских языков, ср.: в арабском - *hā 'anā ḏā vot я, ḥāḏā этот*; в арамейском - *hā* в выражении *haliki vot тебе*, в иврите - в определенном артикле *hā*, во многих случаях сохранившем свое указательное значение.

Отсутствие собственно - личного компонента в семантическом составе замещающей позицию субъекта действия имплицитно выраженного в составе глагольной словоформы абстрактного *ma'nawīyyu* местоимения *huwa* позволяют ему идентифицировать субъект также посредством местоименных формантов, соотнося действие и его субъект с тем или иным участником речевого акта (*al-mutakallim говорящий* или *al-muxāṭab собеседник*). Именно поэтому формы спряжения глагольных единиц представляются в АЛТ в виде сопряжения соответствующих личных форм с глагольной основой, формируя при этом неавтономные (приглагольные) формы личных местоимений *ḍamā'ir innaṭṭaṣila*, замещающих постпозиционную субъектную валентность. Примечательно, что для выражения значения как 1-ого, так и 2-го лица АЛТ оперирует одним и тем же местоименным формантом *tā'*, который, однако, в первом случае огласован на *ḍamma*, а во втором случае на *fatha*. Выбор огласовки *ḍamma* в первом случае объясняется тем, что говорящее первое лицо всегда является агентом действия *fā'il*, которой исходно реализуется в словоизменительной форме *mafū'*: *wa ḥaqubu [fā'il] ar-raf*, основным показателем (*'alāma 'ashliyya*) которого является *ḍamma*: *nazalū al-mutakallima manzilata-l-fā'il... fa-ḍammū ta' al-mutakallimi li-takūna ḥarakatuhā muḡānasa li-ḥarakati-l-fā'il* они [грамматисты] отвели говорящему лицу позицию субъекта действия и огласовали местоименный формант первого лица *ta'* на *-ḍamma*, чтобы ее огласовка была подобна огласовке субъекта действия.

Точно так же, как и в случае с прямым дополнением, которое было огласовано в АЛТ на *fatha* для различия между субъектом и объектом действия местоименный формант собеседника второго лица в отличие от первого был огласован исходным для прямого дополнения показателем: *nazalū al-muxāṭaba manzilata-l mafū' bihi... wafataḥū ta' al-muxāṭab li-takūna ḥarakatuhā min ḡinsi ḥarakati-l mafū'* они [грамматисты] отвели собеседнику (второму лицу) позицию объекта

действия и огласовали местоименный формант второго лица *ta'* на *fatḥa*, чтобы ее огласовка была подобна огласовке объекта действия. Что касается огласовки *kasra* второго лица женского рода, то она была выбрана для различия между мужским и женским родом собеседника.

Идентификация имплицитно выраженного в составе глагольной словоформы *ḥaraḡa* субъекта действия, соотношенного с говорящим *al-mutakallim* и собеседником *al-muxāṭab*, представляется моделями таблицы 2:

Таблица 2

al-mutakallim	Ḥaraḡa ⇔ ∅ [huwa] ⇔ [huwa] 'anā. Вышел ⇔ ∅ [некто х] ⇔ [этот некто] я. Ḥaraḡ+tu = Man alladī ḥaraḡa <u>huwa</u> 'anā. Я вышел.= Некто, кто вышел – это я.
al-muxāṭab al-muḏakkar	Ḥaraḡa ⇔ ∅ [huwa] ⇔ [huwa] 'anta. Вышел ⇔ [некто х] ⇔ [этот некто] ты. Ḥaraḡ+ta = Man alladī ḥaraḡa <u>huwa</u> 'anta. Ты вышел.= Некто кто вышел – это ты.
al-muxāṭab al-mu'annaṭ	Ḥaraḡa ⇔ ∅ [huwa] ⇔ [huwa] 'anti. Вышел ⇔ [некто х] ⇔ [этот некто] ты (ж.р.). Ḥaraḡ+ti = Man alladī ḥaraḡa <u>huwa</u> 'anti. Ты вышел.= Некто кто вышел – это ты (ж.р.).

Таким образом, сокрытый в глагольной словоформе абстрактный субъектный показатель *huwa* в процессе идентификации субъекта переходит из виртуально - психологического уровня существования на синтаксический, путем выявления *'ibrāz* конкретного действующего лица, соотносимого с самим действием посредством присоединения формально неавтономных *mutaṣil* личных местоименных формантов к глагольной основе. Процесс перехода абстрактного субъектного показателя из виртуально-психологического уровня на синтаксический можно представить таблицей 3:

Таблица 3

taqdīr al-fā'il ⇔ iḏmār ⇔ 'isūtār ⇔	'ibhām = 'išāra ⇔	'ibrāz ⇔ 'ittiṣāl
Предположение о наличии сокрытого субъекта действия х.	Указание на наличие абстрактного, еще до конца неидентифицированного субъекта действия х.	Обозначение субъекта действия посредством его выявления и присоединения местоименного форманта с конкретным обозначением лица.

В результате трансформации предикативной формально-содержательной структуры глагольной основы в одну из субстантивированных форм (*ism fā'il* причастие действительного залога, *ism maf'ul* причастие страдательного залога)

происходит экстракция субъектного значения, в ходе которой имплицитно выраженное местоимение *huwa* с абстрактным значением «некто совершивший действие» трансформируется в эксплицитную лично-местоименную форму *huwa*. В результате трансформации глагольной предикативной синтагмы происходит отделение (разрыв) *infiṣāl* двух сросшихся позиций действия *fī'l* и субъекта *fā'il*, в результате чего образуются автономные лично - местоименные формы *ḡamā'ir munfaṣila*.

Процесс отделения *'infiṣāl* позиции подразумеваемого абстрактного субъекта действия *fā'il ma'nawīyy* и образование самостоятельной лично-местоименной формы, реализующей позицию лексически выраженного субъекта действия *fā'il lafziyy* можно представить таблицей 4:

Таблица 4

<i>fī'l</i> = <i>fī'l</i> + <i>fā'il ma'nawīyy</i> [<i>huwa</i> = <i>ḡamā'ir mustatīr</i>] ⇔ taqdīr al-fā'il ⇔ 'isūtār ⇔	<i>ism fā'il (maf'ūl)</i> + <i>fā'il lafziyy</i> [<i>huwa</i> = <i>ḡamā'ir munfaṣil</i>] 'ibrāz al-fā'il ⇔ 'infiṣāl
Предположение о наличии некоего сокрытого субъекта действия.	Обозначение субъекта действия посредством его выявления, за которым в результате образования субстантивированного глагольного деривата следует отделение местоименного форманта и образование самостоятельной лично-местоименной формы, реализующей получившую лексическое выражение позицию субъекта.

Один и тот же субстантивированный глагольный дериват может коррелировать с каждой из отделившихся личных местоименных форм вне зависимости от их соотношения с тем или иным участником речевого сообщения, что еще раз доказывает абстрактное семантическое наполнение компонента глагольной словоформы *huwa* «некто совершивший действие», идентифицируемое только лишь контекстом высказывания.

Масдарный дериват, передавая значение абсолютного действия, как и глагольная словоформа на виртуальном уровне, содержит понятие некой субстанции *huwa*, без которой немислимо понятие самого действия. Идентификацию этой некой подразумеваемой субстанции [субъекта действия] масдарные формы реализуют в генетивных конструкциях посредством соположения как с формально-неавтономными личными местоименными формантами, так и именами существительными. Однако если их сопряжение с местоименными формантами может передавать соотношение действия с каждым из участников речевого акта, то сопряжение с именами существительными (как собственными, так и нарицательными) передает действие, соотношенное с отсутствующим субъектом *ḡā'ib*.

При анализе масдарных форм нельзя оставить без внимания частицу *'an*, называемую в традиционной арабской грамматике *'an maṣḏarīyya*, функция которой заключается в обеспечении возможности замещения масдарной

словоформы или конструкции глагольной синтагмой. Процесс замещения масдарных форм глагольными предикативными конструкциями можно проследить на примерах таблицы 5:

Таблица 5

Maşdar ⇨	'an + fi'l muḍāri'
Tuṭīdu ḡahābī. Ты хочешь [мой уход].	Tuṭīdu 'an 'aḡhaba. Ты хочешь, чтобы я ушел.
Tuṭīdu ḡahābāka. Ты хочешь уйти (твой уход).	Tuṭīdu 'an taḡhaba. Ты хочешь уйти (чтобы ты ушел).
Tuṭīdu ḡahābahu. Ты хочешь [его уход].	Tuṭīdu 'an yaḡhaba. Ты хочешь, чтобы он ушел.
Tuṭīdu ḡahāba Zayd. Ты хочешь [уход Зейда].	Tuṭīdu 'an yaḡhaba Zayd. Ты хочешь, чтобы Зейд ушел.

Наличие в составе замещающей глагольной синтагмы определенного форманта, указывающего на присутствие субъекта, соотносимого с каждым из действующих лиц речевого сообщения, подтверждает наше предположение о наличии в составе масдарной словоформы некоего абстрактного понятия huwa, соотносимого с каждым непосредственным (1-ое и 2-ое лицо) и опосредованным (3-е лицо) участником сообщения. Таким образом, глагольная синтагма в препозиции с частицей 'an выявляет внутренний содержательный потенциал масдарной единицы ta'wīlu-l-maşdar, выявляя позицию виртуального субъекта действия fa'il ma'nawīyyu.

Как нами было показано выше, любая лексическая единица, передающая значение действия, всегда содержит в себе виртуальное указание некой субстанции совершающей его. Единицы класса al-muḍāri', уподобляемые с причастием действительного залога ism fa'il, не являются исключением, форма ya'alu также содержит в себе указание на субъект действия, однако в отличие от виртуального указания huwa, содержащегося в форме fa'il, в единицах класса al-muḍāri' указание на некий субъект наличествует в препозиционном компоненте ya' – древнейшем семито-хамитском указательном элементе «вот». Субъект действия формы yaḡruḡu может быть идентифицирован следующей моделью, где в предложении-тождестве в качестве эквивалента глагольной формы выступает причастие действительного залога: yaḡruḡu = ya' [huwa] + xāriḡun (вот [некто] выходит = вот [некто] + выходящий).

В силу своей неопределенности [абстрактности] указательная частица ya' никоим образом не сужает семантическое поле глагольной единицы, позволяя ей сопологаться с субъектами любой мощности, а также позволяет ей идентифицировать субъект посредством лично-местоименных формантов, соотнося действие с одним из участников речевого акта (al-mutakallim *говорящий* или al-muxāṭab *собеседник*), но так как в единицах класса al-muḍāri' субъект

действия идентифицируется в препозиции, указатель виртуального субъекта уступает место лично-местоименному форманту (таблица 6):

Таблица 6

al-mutakallim	yaḡruḡu = ya' [huwa] + xāriḡun ⇨ ya' [huwa - 'anā ¹] + xāriḡun Вот [некто x] выходит. ⇨ некто x = я Я выхожу. ya' 'anā + xāriḡun ⇨ 'aḡruḡu. Вот я выхожу. = Я выхожу.
al-muxāṭab al-muḍakkār	yaḡruḡu = ya' [huwa] + xāriḡun ⇨ ya' [huwa - 'anta] + xāriḡun Вот [некто x] выходит. ⇨ некто x = ты Ты выходишь. ya' 'anta + xāriḡun ⇨ taḡruḡu. Вот ты выходишь. = Ты выходишь.
al-muxāṭab al-mu'annaḡ	yaḡruḡu = ya' [huwa] + xāriḡun ⇨ ya [huwa - 'anti] + xāriḡa Вот [некто x] выходит. ⇨ некто x = ты (ж.р.) Ты (ж.р.) выходишь. ya' 'anti + xāriḡa ² ⇨ taḡruḡina. Вот ты (ж.р.) выходишь. = Ты (ж.р.) выходишь.

Из предложенной таблицы 6 можно вывести, что препозиционный формант tā' является местоимением, соотносящим действие со слушающим 2-ым лицом. Но тогда на что указывает формант tā' 3-ого лица женского рода, является ли он также местоименным показателем? Как нам представляется, ответ следует искать в содержательном наполнении понятия субъекта действия, исходно описываемом лексическими единицами класса имя, которым присуще также грамматическое значение рода. Если единица с обозначением мужского рода не нуждается в дополнительном маркере, считаясь исходной 'aṣl, то для единиц женского рода (far' вторичный элемент) таковым является tā' marbūṭa, которая в глагольных единицах обозначается как tā' at-tā'nīṭ. В лексических единицах класса al-māḍī она имеет постпозиционную дислокацию *xarāḡat* вышел [некто x [она]] ⇨ вышла [некто] она, в единицах класса al-muḍāri' она дислоцируется в препозиции: *taḡruḡu* ⇨ [некто [она] женского рода] выходит ⇨ [некто] она выходит. Примечательно, что в форме *отсутствующего* 3-его лица множественного числа женского рода препозиционный показатель tā' at-tā'nīṭ

¹ 'anā состоит из указательной частицы 'an, к которой присоединен формант ā, являющийся главной характеристикой 1-ого лица, точно так же в местоимении 2-ого лица 'anta, местоименным формантом 2-ого лица является ta.

² Показатель женского рода tā' marbūṭa причастия действительного залога в глагольной форме al-muḍāri' компенсируется постпозиционным местоименным формантом ḡ: ta'annaḡi bi-hā fi-naḡw taḡlina wa fi ḡi: посредством форманта ḡ выражается значение женского лица, как например в глагольной форме taḡlina и указательном местоимении ḡi.

уступает место указательному элементу *yā*, так как постпозиционный местоименный формант *nūn an-niswa* (*nūn* женского рода) передает значение множественного числа в сопряжении с обозначением женского рода.

По выражению числа система местоимений в литературном арабском языке трехчленна: форме единственного числа (*mufrad*) противопоставляется форма множественного (*ḡam'*) и двойственного (*muḡānā*) чисел. Большой интерес представляет вопрос об очередности возникновения типов форм не-единственного числа, т.е. вопрос о том, что появилось раньше: форма множественного числа, выражающая неуточненное количество лиц, или форма двойственного числа, выражающая точное количество. П. Форхеймер считает, что формальное выражение множественного числа логически более необходимо, чем формальное выражение двойственного и тройственного чисел, легко заменяемое числительными 2 или 3. Система личных местоимений арабского языка построена по принципу от общего к частному и включает два этапа:

1. Образование местоимений множественного числа посредством присоединения к местоименной основе единственного числа показателей множественности мужского (*mim ḡam' aḡ-dukūr*) и женского рода (*nūn an-niswa*).
2. Сужение семантического объема местоимений множественного числа при помощи грамматического показателя со значением двойственности, так как местоимения двойственного числа *'antumā вы оба* и *humā они оба* являются ни чем иным, как одним из частных проявлений *'antum вы* и *hum они*.

Что касается взаимоотношений личных местоимений 1-ого лица, то они имеют свою особую специфику, отличную от специфики подобных взаимоотношений у местоимений 2-ого и 3-его лиц: местоимение *naḡni мы* нельзя рассматривать как множественное число от *'anā я*, так как оно указывает не на *n*-ое количество *я*, а на лицо говорящего совместно с другим лицом или лицами *мы*.

Я и *Мы* самостоятельные местоимения с разным понятийным содержанием (*мы* не равняется $y_1 + y_2 + \dots y_n$), его скорее можно представить как *я+ты, я+вы, я+он* (она и или они) и т.д., но в любом случае все возможные содержательные вариации этой единицы проходят сквозь одну универсальную призму *я* ⇔ *не-я*, возникающую у говорящего с самой первой минуты сообщения. Именно поэтому, в отличие от местоименных формантов множественного числа 2-ого и 3-его лиц *waw al-ḡamā'a* (с обозначением мужского рода) и *nūn an-niswa* (с обозначением женского рода), имеющих постпозиционную дислокацию в составе глагольной словоформы *al-muḡānī*, формант *nūn*, являющийся

эквивалентом автономного личного местоимения *naḡni*, выражающего значение множественного числа 1-ого лица, имеет препозиционную дислокацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Строгого соответствия понятию предложения в Арабской лингвистической традиции не имеется – в качестве его эквивалента, как правило, трактуется понятие *ḡumla комплекс, ансамбль*. АЛТ выделяет два вида предикативных сочетаний – глагольное и именное, различая их, в первую очередь, по морфологическому типу препозиционного компонента (глагольное слово *fi'* либо именное *ism*), тем самым, противопоставляя в плане деления на части речи сами понятия *fi'* и *ism*. Первые из них предстают в качестве несамодостаточных в плане формирования предикативного ядра, для синтаксической самореализации им необходима единица именного класса в паре, с которой они формируют бинарную предикативную конструкцию. Тем самым глагольные единицы предстают в качестве составных *murakkab*, отличаясь от односоставных *mufrad* именных единиц, при определенной конфигурации которых образуется именной тип предикативных конструкций.

2. Неразрывность связи между действием и субстанцией побудила арабских грамматистов утверждать о наличии в составе глагольной основы *zawāḡir* или *podrazumevayemogo* местоимения *ḡamir mustatir* с обобщенным безлично – абстрактным значением *он* [некто], восстанавливаемым *predpolozhitelno* *taqḡiran* из контекста высказывания, тем самым, переместив единицу морфологического уровня *fa'ala* *делать* на синтаксический *fa'ala*. *Он сделал*, и расценивать глагольную основу одновременно в качестве *глагольной словоформы* и *глагольной предикативной синтагмы*, образование которой обуславливается с одной стороны, семантическими свойствами глагола, т.е. его семантическим наполнением, а с другой – его синтаксическими валентностями, способностью вступать в синтаксические связи с местоимениями, и обязательностью замещения этих валентностей.

3. Так как с возникновением понятия *fi'* автоматически формируется понятие *ḡumla*, исходным для него следует считать предикативное ядро, состоящее из сплетенных между собой функциональных позиций действия *fi'* и деятеля *fa'il*.

4. В силу двуплановости глагольного слова, представляющегося в качестве как номинативной, так и предикативной единицы, его трансляция в лексико-семантическом плане, неизбежно влечет за собой трансформацию его предикативной формально – содержательной структуры, при которой имплицитно выраженное личное местоимение, репрезентирующее

структурный компонент *fā'il* *субъект действия* трансформируется в эксплицитную форму *huwa*, которая при формировании производной именной предикативной конструкции типа *huwa fā'il* дислоцируется препозиционно. В результате наблюдается факт трансформации глагольной предикативной конструкции в именную, где структурный компонент *fā'il* в силу особенностей новой конструкции трансформируется в *определяемое* имя начинания, а само *действие* в сообщении-определение.

5. Именные предикативные конструкции, образованные по моделям *Huwa fā'il* и *Huwa fā'il*, представляются в качестве предложений-трансформов, образовавшихся в результате трансформации глагольных предикативных конструкций.

6. Один и тот же субстантивированный глагольный дериват может коррелировать с каждой из отделившихся личных местоименных форм вне зависимости от их соотношения с тем или иным участником речевого сообщения, что доказывает абстрактное семантическое наполнение компонента глагольной словоформы *huwa* «некто совершивший действие».

7. Наличие в составе замещающей *maṣdar* глагольной синтагмы определенного форманта, указывающего на присутствие субъекта, соотносимого с каждым из действующих лиц речевого сообщения, подтверждает предположение о наличии в составе масдарной словоформы некоего абстрактного понятия субъекта действия (*huwa*), соотносимого с каждым из участников сообщения.

8. Единицы класса *al-muḍāri'*, уподобляемые с причастием действительного залога *ism fā'il*, также содержат в себе указание на субъект действия, однако в отличие от виртуального указания *huwa*, содержащегося в форме *fā'il*, в единицах класса *al-muḍāri'* указание на некий субъект наличествует в препозиционном компоненте *ya'* – древнейшем семито-хамитском указательном элементе «вот».

9. Так как в единицах класса *al-muḍāri'* субъект действия идентифицируется в препозиции, указатель виртуального субъекта уступает место одному из лично-местоименных формантов 'a, tā', ya', nūn, которые, однако, не расцениваются в традиции в качестве таковых. Являясь осколочными компонентами указательно-личных местоимений, соотносящих действие с одним из его участников, они называют субъект действия ('a, tā', nūn – реальный субъект) или указывают на него (ya' – виртуальный субъект). Глагольная же лексема в постпозиции к ним играет своеобразную «роль настоящего определения», выражая *переменный атрибут – состояние* в котором находится субъект в момент говорения или сразу же после его завершения.

10. Флективность лексических единиц класса *al-muḍāri'* так же определяется препозиционной дислокацией осколков лично-местоименных формантов. Глагольные единицы, уподобляясь номинативным, выражающим значение переменного признака субстанции, они переходят из класса нефлективных глагольных единиц в промежуточный *подобно-именной*, приобретая специфичную для именных единиц флективность, оформляясь в словоизменительных формах *ra'*, *naṣb* и *ḡazm*. Если словоизменительные формы *ra'* и *naṣb* лексических единиц класса *al-muḍāri'* оформляются по аналогии *qiyāsan 'ālya* словоизменения именных лексем под воздействием одних и тех же управляющих факторов, то форма *ḡazm*, специфичная только для единиц класса *al-muḍāri'*, пресекает воздействие какого-либо фактора, управляющего именными единицами, своеобразно нейтрализуя приобретенную *подобность* глагольных единиц именным.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О системе логических оппозиций терминов, обслуживающих сферу различения глагольных и именных предложений в арабской лингвистической традиции, Արարազիստական մասնաիւրույններ, Ա., Երևան 2006, էջ 137-147
2. К вопросу о трансформации синтаксического содержания первичной основы в процессе образования ее именных дериватов, Արարազիստական մասնաիւրույններ, Ա., Երևան 2006, էջ 106-111
3. Частеречная иерархия лексических единиц в АЛТ в свете семантико-функционального анализа и теории управления, Արևելագիտության հարցեր, VI, Երևան 2006, էջ 201-208
4. Գրական արարերենի տերմերի և վարժությունների ժողովածու, Երևան 2006

Մանուկյան Մարինե Ջոնիկի

ԱՆՎԱՆԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐՆ
ԱՐԱՐԱԿԱՆ ԱՎԱՆԱԿԱՆ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

Ժ. 02.06 – «Ասիայի հին և նոր լեզուներ» մասնագիտությամբ բանասիրական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսություն:

Պաշտպանությունը կայանալու է 2007 թ. հոկտեմբերի 26-ին ժամը 14-ին ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտում գործող ԲՈՀ-ի 019 մասնագիտական խորհրդի նիստում (հասցեն՝ Երևան 0025, Ալեք Մանուկյան 1, ԵՊՀ, Արևելագիտության ֆակուլտետ):

Ամփոփում

Ներկայացված ատենախոսությունը քննության է առնում արաբական լեզվաբանության առանցքային հասկացություններից մեկի՝ նախադասության հիմնախնդիրները: Մանրամասն ուսումնասիրության են ենթարկվում անվանական նախադասության առանձնահատկությունները բայական նախադասության հետ հակադրման համատեքստում: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում այսպես կոչված քողարկված անվանը *ism muḍmar* (անձնական դերանվան համարժեքն արաբերենում)՝ նկատի ունենալով այն նախադասության նշանակությունը, որը ցուցաբերում են այս դասի միավորները ստորոգական կառույցների ձևավորման և մի տեսակից մյուսին անցման ճանապարհին: Խնդրի ուսումնասիրությունը կատարվում է արաբական ավանդական լեզվաբանության ձևավորման և զարգացման բոլոր փուլերում և քննության է առնում ուսումնասիրության խնդիրը ինչպես միջնադարյան հայտնի արաբ քերականների, այնպես էլ ժամանակակից լեզվաբանների աշխատությունների հիման վրա:

Ատենախոսությունը բաղկացած է ներածությունից, երեք գլուխներից, եզրակացությունից, որպես հավելված տրվող աշխատանքում հանդիպող արաբական լեզվաբանական եզրերի բառարանից և օգտագործված գրականության ցանկից:

Ներածություն բաժնում ընդհանուր առմամբ ներկայացվում են նախադասություն հասկացության էությունն ու առանձնահատկությունները, նախանշվում ատենախոսության խնդիրների շրջանակներն ու նպատակները, քննարկվում դրանց արդիականությունը, աշխատանքի գիտական նորույթը:

Առաջին գլխում ներկայացվում են «նախադասություն» հասկացության համարժեքի *ḡamla*-ի ձևավորման և զարգացման առանձնահատկությունները,

այն այստեղ դիտարկվում է կառավարման տեսության դիրքերից՝ գնահատվելով որպես կառավարող և կառավարվող միավորների ամբողջություն: Մանրամասնորեն ներկայացվում են կառավարման տեսակները, որոնք պայմանավորում են անվանական և բայական ստորոգական կառույցների ինքնությունն ու առանձնահատկությունները: Կառավարման տեսության համատեքստում քննարկվում են արաբերենի տարբեր խոսքի մասերին պատկանող լեզվական միավորների առանձնահատկությունները: Ի մի են բերվում սույն գլխում քննարկվող նյութի արդյունքները:

Երկրորդ գլուխը նվիրված է անվանական և բայական ստորոգական կառույցների բաղադրամասերի քննությանը: Այստեղ քննարկվում է երկու տեսակի կառույցներն սպասարկող եզրային համակարգը: Ուսումնասիրության են առնվում անվանական և բայական միավորները ստորոգական միջուկ կազմելու ինքնաբավության տեսանկյունից: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում բայական միավորի ձևաբանական և շարահյուսական առանձնահատկություններին: Ցույց են տրվում այն արմատական փոփոխությունները, որոնք տեղի են ունենում բայարմատի փոխակերպումների արդյունքում: Ներկայացվում են այդ փոխակերպումներով պայմանավորված նոր տեսակի անվանական նախադասությունները: Գլխի վերջում ի մի են բերվում նրանում քննարկվող նյութի արդյունքները:

Երրորդ գլխում բայական ստորոգական կառույցների փոխակերպումն անվանականների դիտարկվում է *'idmār*-ի տեսության համատեքստում: Քննության է առնվում *ism muḍmar*-ը, որպես արտահայտման պլանի միավորների «քողարկման» մասնավոր դեպք: Մեկնաբանվում են առաջին, երկրորդ և երրորդ դեմքի անձնական դերանունների սպասարկման ոլորտները, վեր է հանվում դրանց ներքին բովանդակությունը: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում այսպես կոչված «բացակայող դեմքի» *huwa* դերանվանը, որը հանդես է գալիս որպես բայական միավորի կազմում վիրտուալ սուբյեկտի առկայությունը մատնանշող ցուցիչ: Քննարկվում են բայական միավորի տարբեր հզորության սուբյեկտների հետ համադրման հնարավորությունները, որոնք ապահովվում են շնորհիվ «բացակայող դեմքի» *huwa* դերանվան նմանությանը ցուցական *hadā* դերանվանը: Դիտարկվում են *ism muḍmar* դասի միավորների ձևափոխումները բայական արմատի կառուցվածքային փոխակերպումների ընթացքում: Ի մի են բերվում սույն գլխում քննարկվող նյութի արդյունքները:

Եզրակացություն բաժնում ամփոփվում են ուսումնասիրության հիմնական արդյունքներն ու եզրահանգումները: